

УДК 801(091)—800.86/87

ПОСЛОВИЦЫ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ (к вопросу «Как слово наше отзовется»)

Л.Я.Костючук

PROVERBS THROUGH TIME AND SPACE (regarding “How our word responds”)

L.J.Kostiuchuk

Псковский государственный университет, anh57@yandex.ru

В статье на уникальном материале литературного языка и псковских говоров выясняются некоторые синхронные и диахронные пути пополнения лексико-фразеологического и паремиологического богатства в условиях проявления закономерностей внешней и внутренней лингвистики. Подчеркивается мастерство народа использовать, сохранять в коммуникации и научно изучать воспроизводимые единицы разных уровней.

Ключевые слова: *паремия, пословицы, поговорки, синхрония, диахрония, внешняя и внутренняя лингвистика, план выражения и план содержания*

Based on the unique material of the literary language and Pskov dialect, the article reveals certain synchronic and diachronic ways of enriching lexical-phraseological and paroemiological stock under conditions of external and internal linguistic patterns. The article pinpoints the people's skill to use, preserve in communication and conduct academic research of reproducible units of various levels.

Keywords: *paroemia, proverbs, sayings, synchrony, diachrony, external and internal linguistics, plane of expression and plane of content*

Богатство национального языка зависит от многих факторов. Значительную роль играют механизмы внешней и внутренней лингвистики в области производства соответствующих лексико-фразеологических единиц. Это проявляется, во-первых, в результате активности и разнообразия способов словообразования в разных сферах общерусского языка; во-вторых, в умении, приняв «чужую» единицу в систему «своего» языка, приспособить ее к «своей» фонетике и «своим» отношениям в системе разных частей речи: так проявляется порождение словообразовательного гнезда, а также и развитие производных новых значений. Например, в народной речи псковичей в условиях древнего длительного «пограничья» с финно-угорскими народами для названия моркови было заимствовано слово *баркán* / *боркán* (ср. в эстонском

porgand), ставшее затем типичным для псковских говоров. Заимствование произошло с обычным для взаимодействующих указанных языков изменением в плане выражения — меной звонких и глухих согласных звуков: финно-угорского глухого [p] на звонкий славянский [b] и, наоборот, звонкого финно-угорского [g] на славянский глухой [k]. Активное освоение заимствованного слова в народной псковской речи сопровождалось разветвленным словообразовательным гнездом в принимающем языке и при появлении новых значений у слова на метафорической основе по признаку удлинённой формы у реалии. В результате в псковских говорах образовались омонимы: *баркánник*⁴ ‘средний двухгодовалый окунь’, *баркánник*³ ‘жердь изгороди’ [1]. Исследователи учитывают специфику псковской речи и у давних

выходцев с Псковской земли — старообрядцев, которые столетиями живут в иноязычном окружении (эстонского, латышского, литовского языков), но до сих пор бережно хранят свою родную материнскую речь [2-5].

В-третьих, поражает умение народа замечать те или иные стороны жизни, закреплять сведения и высказывать свои суждения об этом в особых фразах, которые, будучи востребованными в речи, становятся воспроизводимыми. Это прежде всего паремии, традиционно называемые пословицами, большая часть которых является метафорической по смыслу: у них четко выясняется исходный прямой смысл, который проецирует и переносный, позволяя такому мудрому высказыванию использоваться обобщенно в соответствующей ситуации. По поводу таких пословиц убедительно замечание Т.М.Николаевой: «Пословицы, сообщаемые о природе, растениях, животных и т.д. суть на самом деле сообщения о человеке и его действиях. При этом сообщаемое и не универсально, и не конкретно только, но соединено с национальным как с промежуточным звеном» [6]. Народная мудрость ярко запечатлена в пословицах, а владеющие народной речью, которые не только владели ею, но и фиксировали, исследовали ее, оставили прекрасные примеры местных высказываний с тонкими наблюдениями над процессами складывания закреплённого и востребованного в них плана содержания, позволяющего применять пословицу «к месту». В 10-е гг. XX в. был создан И.Д.Кузнецовым ценный источник знаний о псковском рыболовецком деле и о словах, выражениях на эту тему. К профессиональному отчету о своей работе автор приложил «Рыболовецкий словарь» с оригинальным приложением «Пословицы и поговорки рыболовецкого быта», в котором, как знаток реалий, точно пояснял фактически и первоначальный смысл, например, пословицы *Везде вода, да не везде рыба*, записанной на Талабске (острове Пий-рисаар), в деревне Сыринец: «В настоящей поговорке ясно выражено представление рыбака о различном достоинстве рыболовных вод» [7]. Рано ушедший из жизни лингвист, прекрасно знавший псковские говоры, С.Е.Мельников, оставил рукописный словарь псковских пословиц с ценными пояснениями народных слов и обстоятельств из сельского быта, которые приоткрывают возможности появления той или иной паремии. Пословица *Без корца не вырастишь огурца* сопровождается таким пояснением в 60-е гг.: «*Корец* — 'ковш'. Летом, спасая овощи от жары, поливают их водой. Поскольку овощеводство в Псковской области развито слабо (за исключением картофелеводства), ковш или другая посуда на небольших огородах заменил, а часто и сейчас заменяет, лейку, шланг и механизированную поливку».

Среди пословиц выявляются и безобразные, которые В.П.Жуков считает поговорками, которые имеют только один, прямой смысл и используются как «приговорки» по поводу конкретного события [8].

У этих особых народных произведений, прежде всего пословиц, в отличие от поговорок, по В.П.Жукову, приходится учитывать возможное варьирование плана выражения в синхронии (*Стреляно-*

го / опытного воробья на мякине не проведешь) при сохранении плана содержания. Такой план совмещает два временных периода в жизни единицы. Эти этапы расходятся во временном пространстве (диахронии). 1) Исходная ситуация, требующая понимать прямое значение каждого слова (!), включая, например, и слово *мякина* 'отходы при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков и некоторых других культур; полова' [9]. Такой план относится к первоначальной реальной или воображаемой ситуации, отраженной и закреплённой в выбранных и объединённых в одно высказывание слов. Знать это необходимо для правильного использования единицы. 2) Очень важно понимать актуальный план содержания у используемого или воспринимаемого при коммуникации народного произведения. Словарное значение пословицы обычно передается тоже предложением из свободно соединённых слов при передаче информации, которая звучит как констатация наблюдаемого в конкретной ситуации.

При этом говорящий (адресант), владеющий языком, помня полный набор слов в пословице (обобщающем заключении по поводу определенного явления), может употребить только часть пословицы (*Да, это стреляный воробей...*) или трансформировать план выражения (*Мякина не провела стреляного воробья*). В некоторых случаях употребление усеченной части является уже в языке особой воспроизводимой единицей — фразеологизмом (*стреляный воробей; провести на мякине*), что в традиции называется поговоркой.

Но важно, чтобы адресат был таким участником дискурсивной ситуации, который понял бы намерение говорящего и адекватно воспринял бы услышанное. Ведь разная степень народной памяти, особенно у молодых людей начала XXI в. и у тех, кто не знает национальной идиоматики, приводит иногда к абсурду при восприятии не только пословиц, но и фразеологических единиц. Так, адресат, услышав, что ему даются 50 рублей *на булавки*, сообщает дома, что он должен, оказывается, истратить их непременно на покупку... скрепок для бумаги (!). Подобное вызвано отсутствием энциклопедического фона из области идиоматики языка. И потому, к сожалению, подтверждаются наблюдения у старшего поколения носителей русского языка относительно того, что в представлении речевой культуры у молодых обнаруживается большая потеря и отсутствие в активном использовании образных национальных средств: пословиц, поговорок, фразеологизмов. Не случайно молодое поколение, как правило, старается самостоятельно не употреблять их вовсе, а если слышит в речи старших, то подчас воспринимает превратно.

Для понимания путей создания таких народных произведений малых форм полезно обращаться к исследованиям памятников письменности разных жанров, что помогает обнаруживать уже устоявшиеся несколько веков назад пословичные фразы, которые воспринимаются как знакомые и нам, носителям языка XXI в.

Исследователям псковской народной речи, тем более при составлении уникального «Псковского областного словаря с историческими данными» [10],

очень повезло, когда был опубликован русско-немецкий разговорник, составленный в Пскове в 1607 г. немецким купцом Т.Фенне в помощь своим коллегам при производстве торговых операций [11]. Талантливый автор зафиксировал и типично псковские слова, синтаксические конструкции, и замечательные общерусские образные выражения, включая и пословицы: *Цыплята (!) хоче курица (!) учить* (230); *Которой с волком живет, тому с волком воет* (475); *Дурных не орю, не копаю, сами родятся* (474).

Варианты пословиц, местные особенности показывают широту употребления, устойчивость общерусского менталитета и судьбу отдельных идиом на временной оси. Местные особенности в таких фиксациях дают возможность отметить пространство географического распространения, в частности пословиц в народном языке и перспективу складывания устойчивых выражений на диахронной оси.

В то же время запись народной речи в прошлом свидетельствует, как удачно выраженная конкретная мысль по поводу профессиональных действий (купеческой торговли) или обычных, бытовых наблюдений за окружающей действительностью (отражение участков языковой картины мира в далеком прошлом) неизбежно закрепляется в виде своеобразного афоризма: *Денёг добыть лучше гулянья* (475 — правило того, кто занимается торговлей); *Добро <и> ты человек, да <и> з лихого сёла* (258 — о том, что человек многолик и может быть разным); *Всяк чёлвек дела <е>т по своёму (!)* (213 — человек должен быть самостоятелен в принятии решения).

Интерес составителя разговорника к русскому языку, отбор им языкового материала, стремление сгруппировать записи — все это позволило Т.Фенне объединить большое количество выражений, которые он назвал *пословками*: *Лестлив, да сердце худо, оманывают доброго друга, — то пословики правда есть: в тихой воде вир велико <и>* (470). В начале же специального раздела, в котором составитель собирается привести в единой системе большое количество афоризмов на определенные темы, читаем его мысли с употреблением и термином *пословица*: *Зде из божьею помощью почну писать русскою пословицею, как русины в своим (!) речи владыт* (469).

Приведем только некоторые выражения разного тематического содержания и разной степени обобщения, но все они отражают известный этап восприятия действительности, поражая читателя XXI в. проникновением носителей русского языка XVII в. в разносторонний мир жизни, деятельности, моральных представлений о том, что составляет предназначение человека: *Опосле дожжя будет вёдро, надобь потерпеть* (474); *Дивья дело починать, да худо кончать / тяжёло* (469); *Лестливо слово недолговечно* (469); *Зубами тово гвоздя не вытянуть* (473); *Ворон ворону глаза не выклюет* (470).

Ценны некоторые пословицы с общей идеей, но с разными конкретными образами, т.е. с вариантами в плане выражения: *<И>з чужой кожи ремень добро вырезать — не болит*; *Дивья чужёво уха отрезать, что полсти, — не болит* (главный

образ усиливается дополнительным образом через сравнение *что полсти*).

Приведенные в разговорнике выражения, воспринимаемые составителем как характерные для русских, сопровождаются иногда некоторыми расширенными пояснениями, что свидетельствует, как носители псковской речи в начале XVII в. понимали их и тем самым подчеркивали неизбежность переноса значения в складывании пословичных фраз: *Отложи ты дело до завтра. Мне сегодня недосуг то дело делать* (239). Воспринимаемые как единое целое два предложения о возможном конкретном факте позволяют в первом предложении усмотреть и начало формирования суждения о целесообразности иногда отложить исполнение работы, даже принятие ответственного решения на следующий день (вспомним современное *Утро вечера мудренее*).

Иногда и в современных публикациях можно обнаружить зачатки возможного обобщения о какой-либо ситуации. Так, для понимания спортивной новости, обозначенной кратким заголовком («А.Ягудин — Е.Плющенко: *Старую обувь невозможно превратить в новую*»), по интернетовскому адресу «Sport.rbc.ru» пришлось искать более подробное сообщение на тему заголовка. Естественно, что мое внимание остановило подчеркнутое предложение. Публикация же: «Олимпийский чемпион 2002 года Алексей Ягудин после финала гран-при в Японской Фукуоке раскритиковал Евгения Плющенко, который собирается выступить на Олимпиаде в Сочи» — прояснила заинтересовавшее нас предложение, адресованное Е.Плющенко. Имея некоторые фоновые сведения о героях информации, читатель понял, что подчеркнутая фраза о старой и новой обуви метафорична, но на какой именно другой «предмет» переносится ее первоначальный смысл, как следует еще было не ясно. Среди комментариев на данную тему удалось найти сообщение в осторожной, корректной формулировке: «В финале Гран-при юниоры были сильнее взрослых». Наконец становится ясно: смысл указанного предложения 'не стоит через силу принимать участие там и тогда, где и когда будут выступать перспективные юные спортсмены'. Вероятно, синонимами этому еще не общепризнанному афоризму пословичного типа можно признать традиционную народную пословицу *Всякому овощу свое время*, а книжную пословицу *Все-му свое время*, ежедневно звучащую на радио. Предположим, что какие-то потом события оправдали данную фразу, люди вновь восприняли ее и захотели бы повторить и повторять в аналогичных ситуациях — тогда она (гипотетически!) станет пословицей.

А если нет, то она уже сыграла свою роль: подобно пословкам / пословицам времени Т.Фенне, показав, что и в XXI в. особенно в оперативных средствах информации можно обнаружить не прекращающиеся в языке тенденции динамического состояния в лексико-фразеологической системе при взаимодействии разнородных процессов.

Известно, что к слову, устойчивым выражениям необходимо относиться бережно и ответственно: ведь неизвестно, «как слово наше отзовется». Вместе со словами пословицы несут богатейшую информацию и

позволяют ярко и эффективно интерпретировать то, что хочет передать человек другим. Если пословицы попадают в поле зрения лексикографа, то в соответствии с принципами словаря их необходимо фиксировать в качестве иллюстраций на соответствующие слова, как это принято, например, в «Псковском областном словаре с историческими данными» — уникальном словаре полного типа, по замыслу Б.А.Ларина [12].

1. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 2. Л., 1973. С. 119-122.
2. Паликова О.Н., Ровнова О.Г. Словарь говоров староверов Эстонии. Тарту, 2008. С. 5-14, 22.
3. Мурникова Т.Ф. Описание русского говора острова Пийрисаара // Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Тарту, 2012. С. 30-59.
4. Семенова М.Ф. О словаре русских говоров в иноязычном окружении // Псковские говоры. Л., 1979. С. 68-72.
5. Сивицкене М.К. Русские говоры Литвы в связи с исходной локализацией // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 125-134.
6. Михайлова Т.М. «Модель мира» в грамматике паремий... // Она же. От звука к тексту. М., 2000. С. 399.
7. Кузнецов И.Д. Рыболовецкий словарь. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912-1913 гг. Пг., 1915. С. 153.
8. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / Спец. научн. ред. В.П.Фелицына. М., 1966. 535 с.
9. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 567.
10. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-24... Л. / СПб., 1967—2013.
11. T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian/ Pskov 1607. Vol. II. Ed. L.L.Hammerich, R.Jakobson. Copenhagen, 1970.
12. Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря // Он же. Филологическое наследие: Сборник статей. СПб., 2003. С. 660-674.

References

1. Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov regional dictionary with historical data]. Ed. 2. Leningrad, 1973, pp. 119-122.
2. Palikova O.N., Rovnova O.G. Slovar' govorov staroverov Estonii [Estonian Old Believers dialect dictionary]. Tartu, 2008, pp. 5-14, 22.
3. Murnikova T.F. Opisanie russkogo govora ostrova Piyrisaara [Description of the Russian dialect on Piirissaar]. Acta Slavica Estonica I. Writings on Russian and Slavic Philology. Linguistics XV. Outline of Estonian Old Believers' History and Culture. III. Tartu, 2012, pp. 30-59.
4. Semyonova M.F. O slovare russkikh govorov v inoyazychnom okruzenii [On the Russian dialect dictionary in foreign environment]. Pskov Dialect. Leningrad, 1979, pp. 68-72.
5. Sivitskene M.K. Russkie govory Litvy v svyazi s iskhodnoy lokalizatsiey [Russian dialect in Lithuania in view of the original location]. Pskov dialect in its past and present. Leningrad, 1988, pp. 125-134.
6. Mikhailova T.M. «Model' mira» v grammatike paremiy... [“World Model” in grammar of paroemias...]. From Sound to Text. Moscow, 2000, p. 399.
7. Kuznetsov I.D. Rybolovetskiy slovar' [Fishing dictionary]. Based on material collected by the Pskov fishing scientific expedition in 1912-1913. Petrograd, 1915, p. 153.
8. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Russian proverbs and sayings dictionary]. Moscow, 1966. 535 p.
9. Bol'shoi tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint-Petersburg, 1998, p. 567.
10. Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Edns. 1-24... Leningrad / Saint-Petersburg, 1967—2013.
11. T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian/ Pskov 1607. Vol. II. Ed. L.L. Hammerich, R. Jakobson. Copenhagen, 1970.
12. Larin B.A. Instruktziya Pskovskogo oblastnogo slovarya [Instruction on the Pskov Regional Dictionary]. Philological Heritage: Collection of Articles. Saint-Petersburg, 2003, pp. 660-674.